

РОМАН СЕНЧИН

ДЯДЯ ВАСЯ

РАССКАЗ

Соседнюю с нашей пятиэтажку называли ветеранской. Может, в шестидесятые, когда её сдали, в ней и поселили в основном ветеранов, но к началу восьмидесятых их там оставалось человек семь-восемь. Кто-то переехал, кто-то умер...

Эти оставшиеся были ещё не старыми. Имели “Москвичи” и “Запорожцы”, один, очень невысокий, — пацаны лет в четырнадцать перегоняли его в росте, — с обожжённой половиной головы (даже волосы не росли), гонял на “Урале” с люлькой и иногда катал нас, ребяташек, по кварталу — мимо хоккейной коробки, кафе “Огонёк”, металлических складов, которые ни разу на моей памяти не открывали, ничего в них не загружали, ничего не выгружали...

Тогда, в начале восьмидесятых, как раз началась дачная лихорадка — люди разбирали участки, но не для отдыха, а под картошку, грядки, — и ветераны были в первых рядах дачников-огородников; они часто ездили в тайгу и по вечерам, вернувшись, мыли, чистили грибы во дворе, перебирали ягоды, громко обсуждали поездку.

Были среди них рыбаки, были охотники. Помню, однажды кто-то из ветеранов привёз на крыше своего “Москвича” тушу сохатого и, порубив её, затащил на балкон. Не забыл одарить кусками багряной, кровянистой мякоти и наблюдавшую за процессом ребятню.

СЕНЧИН Роман Валерьевич родился в 1971 году в городе Кызыл Тувинской АССР. Окончил Литературный институт имени А. М. Горького. Первые публикации в Москве — в журнале “Наш современник”. Автор романов “Минус”, “Нубук”, “Ёлтышевы”, “Информация”, сборников рассказов “Иджим”, “День без числа”, “Абсолютное соло” и др. Живёт в Москве.

В общем, ветераны были людьми очень активными, жизнелюбивыми, умели и хотели радоваться жизни. Правда, внешности их, кроме того, с обожжённой головой, и их имена забылись, стёрлись. Мне запомнился другой ветеран. Наверняка не войны ветеран, но тем не менее...

Его звали дядя Вася.

Он был огромный и грузный, вечно насуспенный. Волосы густые, без единой тёмной проталины седые... Сидя на лавочке у подъезда, он с прищуром следил за прохожими, за играющими детьми, соседями. Носил всегда одно и то же — чёрные блестящие сапоги, синие широкие штаны вроде галифе и серовато-белую рубаху с нагрудными карманами, очень похожую на гимнастёрку. В холодное время надевал короткий полушубок, каракулевую папаху. Часто держал в руке прутик, похлопывал им по сапогам, по асфальту...

Дачи его семья не имела, машины тоже. Да и не могу сказать, была ли у дяди Васи семья. Запомнил его одного — одиноко сидящего на лавочке. Не спокойно сидящего, а как-то вынужденно. Казалось, появившись во дворе подобный ему огромный и мощный человек, вели идти за собой, он поднимется и пойдёт. А по пустыкам и шевелиться не стоит. И на своих сверстников — дачников-рыбаков-охотников — он смотрел с какой-то обещающей ухмылкой. “Давайте-давайте”, дескать.

Правда, у него тоже были увлечения. Огородил часть двора и посадил там несколько лиственниц, ёлок, кусты жимолости и голубики. Наш двор был истоптан — ни травинки, лишь несколько толстых кривых тополей, посыпавших землю в июле душистым пухом, а у соседей вот кусочек леса настоящего.

Всё бы хорошо, но дядя Вася опутал этот кусочек колючей проволокой и гонял всех, кто пытался на него проникнуть. А проникнуть очень хотелось — так соблазнительно синели на кустах ягоды, иногда выскакивали и грибы — маслята, волнушки, обабки... По сути, дядя Вася целыми днями и сидел на лавочке для того, чтобы охранять свой лесок, для защиты и прутик в руке держал.

В жару он выносил на улицу шланг, присоединял его к торчащему из стены дома крану и поливал лесок, брызгал ледяной водой и на бегающую по двору малышню. Однажды облил и меня, и я заболел ангиной. Помню, мама ругалась: “Я говорила тебе не подходить к нему?! Почему ты не слушаешь?” А отец отправился разбираться с дядей Васей.

Не знаю, чем там у них закончилось. Но после этого дядя Вася стал на меня шуриться особенно злобно, а я старался держаться от него подальше. Вообще с ним почти никто не общался. Некоторые, проходя мимо дяди Васи, презрительно и в то же время боязливо на него поглядывали... Довольно долго я не мог понять, почему люди к нему так относятся...

Ещё одно увлечение дяди Васи казалось нам, пацанам лет десяти-пятнадцати, очень странным. Каким-то таинственно-зловещим.

В пятиэтажках были подвалы. В подвалах — клетушки для хранения разных вещичек, а главное — для дров и угля. Дело в том, что изначально горячей воды в квартирах не было, в ваннных стояли титаны: печка с длинным, до самого потолка, баком. Воду для мытья посуды грели на плите, умывались в основном холодной водой, а титаны топили по субботам. И с утра мужчины возле подъездов рубили какие-то палки, кололи полешки. “Банный день” было для нас, городских жителей, не пустым понятием, а заготовка дров — важным занятием. Несли с прогулок рейки, сухие ветки, штакетины, обломки досок...

К середине восьмидесятых в дома провели горячую воду, титаны повывбрасывали, а подвалы пришли в запустение. Они и до этого мало использовались — замки постоянно кто-то сбивал, трубы лопались и заливали пол, по стенам расплзался грибок; хранить там что-то ценное было опасно.

Но дядя Вася подвал под своим подъездом оборудовал как следует и устроил там нечто вроде спортзала. И часто мы сквозь щель в зарешёченном и занавешенном окошечке подглядывали, как он поднимает гири, подтягивается на вделанном в стены стальном стержне, отжимается... Нам это представлялось тогда чем-то нелепым, но пугающим — старику лет под семьдесят,

а он занимается физкультурой. Может быть, мы бы и смеялись над дядей Васей, если бы он не был таким огромным, здоровым, мрачным. Шутки с ним могли закончиться плохо...

Магазины — хлебный, молочный, гастроном — находились на другом конце квартала. Нужно было пройти метров триста по центральной улице нашего небольшого, зажатого горными хребтами, города.

Дядя Вася отпраплялся в магазины нечасто, и каждый выход становился чуть ли не событием. Одевался в выходное: летом это было нечто вроде френча, зимой — полушубок с золотистыми овечьими кудряшками. На голове папаха, но не та, потёртая, с проплешинами, в которой он сидел во дворе, а новенькая, блестяще-чёрная. На ногах летом сапоги, тщательно вычищенные, а зимой — белые бурки с чёрными полосками.

Шёл дядя Вася по тротуару медленно, твёрдо ставя ноги на асфальт; оглядывал окрестности, трудно ворочая головой на короткой шее. Руки обычно держал за спиной, в них покачивалась большая лакированная сумка. С сеткой — которую у нас никто авоськой не называл — дядю Васю не видели.

Обратный путь он совершал через дворы. В одном из них на скамейке, но не возле подъезда, а поодаль, под большим тополем, сидел древний старик. Он был тоже в полувоенной одежде, тоже в папаче, или, может, в кубанке. На груди у него красовался орден Красного Знамени. Круглый, без колодки, совсем такой, как у героев гражданской войны в учебниках истории. И главное — старик опирался не на палку, а на ножны от шашки!..

Мы, пацаны, иногда пытались подсесть к старику, порасспрашивать его, но он отмахивался, бормотал: “Бегите гуляйте... — И очень быстро начинал сердиться: — Ну, кому сказано!” Иногда совал кому-нибудь из нас ириску или карамельку в засалившейся обёртке...

Дядя Вася садился рядом с этим загадочным стариком, и они закуривали папиросы. Так-то дядя Вася почти не курил... Не вспомню, чтобы о чём-то разговаривали, что-то обсуждали. Но такое единение было в их молчаливом курении, будто они без слов передают другу важное, необходимое...

На некоторое время поблизости от старика во дворе противоположного дома появился парень в форме десантника. Голубой берет, тельняшка под кителем... Ребята из того дома рассказывали, что парень подарил им свой мотовел, и теперь вот сидит и о чём-то всё думает, никого не подпускает с вопросами... Очень быстро этот десантник исчез, ребята сказали: “Уехал”. Но несколько недель он и старик представляли собой загадочное и жуткое зрелище...

О войне наши ветераны не рассказывали, а если их всё же приводили в школу, вспоминали что-нибудь забавное из солдатской жизни, так что война нам казалась не страшной, а скорее увлекательной, как наши собственные игры в войнушку... Военную одежду они не носили, предпочитая рубашки, майки, трико, которое позже стали называть трениками.

Иногда, правда, отпрапляясь в какое-нибудь учреждение, ветераны нацепляли на свои гражданские пиджаки орденские планки, которые, видимо, должны были служить дополнительным аргументом, что ту-то или ту-то их просьбу, требование нужно удовлетворить. Правда, заметно было, что ношение наград особого удовольствия ветеранам в то время не доставляло.

У дяди Васи же всегда на летней рубахе-гимнастёрке или на френче был некий овальный значок с мечом, поверх которого золотились серп и молот, и их обрамляла кроваво-красная лента... Долгое время этот значок был для меня загадкой, но недавно в интернете я наткнулся на его изображение. Оказывается, это был знак заслуженного работника НКВД.

Понятно, почему дядя Вася вёл такую одинокую жизнь во дворе — без друзей, один на лавочке у подъезда, без разговоров и шуток...

Запомнился случай, когда дядя Вася решил присоединиться к кружку ветеранов. Было это, скорее всего, девятого мая восемьдесят пятого года, в сорокалетний юбилей Победы.

Утром на площади состоялся парад, в этот раз особенно мощный: мимо памятника Ленину и трибун рядом с ним промаршировали колонны расположенного в республике мотострелкового полка, солдат внутренних войск (колоний рядом с городом хватало), пограничного отряда (граница была не-

далеко), милиционеров, проехали несколько БМП и грузовиков с орудиями, “уазики-таблетки” с крестами медицинской службы на боках. Танки пускать не решились, чтоб не попортить и так вечно истресканный асфальт.

Ветеранам вешали на грудь юбилейные медали, ордена Отечественной войны, дарили цветы... Ближе к вечеру во многих дворах города были накрыты столы, и ветераны со своими семьями, с соседями стали отмечать праздник с выпивкой и закуской, с песнями, невесёлыми, но душевными, щиплющими душу... Мы, хоть уже не пацанята, которым всё можно, тоже были здесь. За стол не лезли, слушали, что говорят старшие, как поют. Но принимали подаваемую еду, понемножку вина в стаканах. “Только родителям не говорите”, — подмигивали старики.

И тут появился дядя Вася. В парадном своём френче, но без непременного знака с мечом. В руке держал бутылку водки. Пытался улыбаться, но улыбка получалась не очень — кривая какая-то, неприветливая.

Подошёл, поставил бутылку на стол. Сказал громко:

— Поздравляю, товарищи!

— А ты чего? — вдруг вскочил один из ветеранов, обычно тихий, интеллигентный, носивший серую шляпу с дырочками. — Ты-то чего? Не твоя она, победа! — Видимо, он прилично выпил уже, потому и сорвался. Но никто его не стал останавливать, смотрели на дядю Васю враждебно.

— Да, да, вы там их били, — захрипел дядя Вася, и огромное мясистое лицо его стало тёмно-красным. — Вы там, а я — тут... Тут их тоже хватало. И они бы в спину вас!.. И ещё... вот увидите ещё, как они поднимутся, недобитые. Они ещё такое устроят! Вспомните!..

Дядя Вася взял бутылку и медленно, тяжело впечатывая ноги в асфальт, двинулся к своему подъезду.

Наверняка никто тогда, тёплым вечером 9 мая 1985 года, не придавал значения его словам. Почувствовали облегчение, что ушёл. И, видимо, чтоб разбить давящую тишину, жена обожжённого танкиста, полная, румяная бабушка, запела девичьим голосом:

*Вот кто-то с го-орочки спустился,
Наверно, милый мой идё-от!..*

Другие женщины подхватили, прижались к своим мужьям...

А потом началась перестройка. Сначала радующая и воодушевляющая, а потом пугающая, тревожащая. Конец её всем известен.

Всё рушилось и разваливалось. И что-то, словно их чем-то отравили, происходило с людьми. Или мне так сейчас представляется?..

Мы, десяток пацанов из соседних пятиэтажек, выросли. Одни уходили в армию, другие садились в тюрьму... Как-то раз, зимой, в выходной день, несколько ребят зашли за мной: “Поехали на дачи”. — “Зачем?” — удивился я. “Ну так, походим”. То ли были какие-то дела, то ли просто лень удержала, и я не поехал. А через несколько недель в школе состоялось общее собрание. Обычно устраивались комсомольские, а тут — общее, с первого по одиннадцатый классы... Всех согнали в актовом зал и объявили: “Пятеро наших учащихся арестованы! Они грабили садовые домики, ломали мебель, уничтожали то, что создавали люди честным и тяжёлым трудом!”

Четверых за это посадили, один, младший, которому на момент совершения преступления не исполнилось четырнадцати лет, остался на свободе. И тут же поползли разговоры, что его убьют. Его и убили через год-полтора — нашли в сквере с проткнутым горлом. Вокруг — круговые дорожки крови. “Долго метался, — говорили знатоки, — пока кровь не кончилась”. Кто убил — так и не узнали. Да и, кажется, в то время, в конце восьмидесятых, уже не особо упорно искали.

Убийств в городе становилось всё больше и больше. Всё чаще и чаще привозили из армии парней в железных гробах. “Это не железо, — как-то раз объяснил один взрослый мужчина. — Это — цинк. Чтобы трупы не портились”. И вскоре по городу, из квартиры в квартиру, поплыла запись тихой ядовитой песенки: “Берегите цинк, цинк — подрастает ваш сын”.

Хоронили в то время из квартир. Сутки или двое гроб стоял в большой комнате, вокруг сидела родня и друзья. Потом выносили гроб во двор, ставили на табуретки. С покойником прощались соседи. Грузили в открытый кузов грузовика и медленно везли на кладбище, бросая на дорогу пихтовые ветки. Обгонять процессию было не принято, и часто возникало то, что потом стали называть пробками...

Два цинка привезли и в наш квартал. Не друзья мои в них лежали, но хорошо знакомые парни. Из той же школы, в которой тогда доучивался я... Ездил на кладбище, смотрел, как рыдают над закрытыми гробами их матери, растерянно и виновато смотрят в ямы отцы; самовольно вскрывать цинк тогда никому и в голову не приходило, хоронили вот так... Одного, как говорилось в документах, убило лопнувшим тросом в Туркмении, другой сорвался на машине в ущелье в Киргизии. Но люди были уверены, что оба погибли в Афганистане. В далёком, непонятном, зловещем *Афгане*.

Закончился Афганистан — появились в газетах статьи про дедовщину. Страшные статьи. Призывники ломали себе руки и ноги, глотали стекло, чтоб не идти в армию...

Магазины пустели, за каждой выброшенной на прилавки мелочью выстраивались очереди; в винных отделах случались настоящие побоища... Помню такую сцену в одной из очередей.

Молодой парень орал на старика: “Чё ты мне кровью своей тычешь?! Чё тычешь-то?! Я её не проливал?” — И стал колотить протезом руки о стену... Тупой стук пластмассы...

Дядя Вася появлялся на своей скамейке всё реже. Кусочек леса не поливал — кран в стене в целях экономии воды заварили, — и кусты засохли, нижние ветки ёлок висели серыми космами... Выбираясь во двор, дядя Вася уже не хмуро оглядывал людей, а печально и сожалеюще как-то. Как неизлечимо больных, что ли... Или снова это представляется из сегодняшнего дня мне, знающему, что после восьмидесятых будут девяностые, что наш город, столица одной из автономных советских республик, превратится в огромный азиатский аал?..

Летом восемьдесят девятого года я с горем пополам (куча троек в аттестате, по химии так и вовсе “прослушал”) окончил школу и рванул на другой конец страны, в Ленинград. Поступил в строительное училище, но становиться строителем и не думал, да и никто из ребят в нашей группе не видел себя в будущем маляром или плиточником, — все пользовались бесплатной крышей над головой, халявной кормёжкой, чтобы устроиться получше, или, на худой конец, оторваться перед армией. Я был в числе этих вторых. Рок-концерты, музеи, девчонки, “Пшеничная” водка, обмененная на талончики на сахар и мыло...

Через два с лишним года, в конце декабря девяносто первого, в шинели с сорванными погонами (гражданский человек, паспорт в кармане), в своих доармейских кроссовках, купленных у кооператоров на Некрасовском рынке, я вернулся домой — в маленький город, окружённый горами.

Шагал от автовокзала и удивлялся, почему это в семь часов вечера улицы пусты — ни одного прохожего, машины редки, проносятся на бешеной скорости, будто от кого убегая... Удивлялся, но ликование было сильнее: отслужил благополучно, не попал ни в какие горячие точки, которых после Афгана стало полно на территории родной страны. И дедовщина меня миновала.

Завернул по пути в гастроном, хотел кушать младшей сестре коробку конфет (деньги были) и остолбенел. В нашем гастрономе было чисто и гулко, из товаров — детское питание “Малыш” и какая-то мочёная трава на тарелке.

— А ты как, пешком шёл? — вместо приветствия испуганно спросила мама. — Да ты что?! Одному нельзя по темноте... У нас тут такой бандитизм!..

Позже, во время праздничного ужина, состоявшего из обильных домашних солений и тушёной брюшины с пшеничной кашей на горячее, родители рассказали:

— А тут этот, дядя Вася, умер. Буквально за неделю до твоего приезда... И ведь как не поверишь в приметы... Плохой это был человек, много зла людям сделал. И вот — когда стали гроб с ним выносить из квартиры,

он на площадке не поворачивается... Огромный же этот был. В морг его не возили — что ж, старый человек... В квартиру гроб боком подняли, а тут-то прямо надо. И — никак... Вынули, на одеялах вынести, во дворе обратно положили. А он уже портиться начал, так что... Извини, что за столом говорим об этом... На кладбище почти никто не поехал — мороз, да и не было охотников с ним прощаться.

— Тех бы, кого он в ГУЛаге замучил, поднять, — добавила сестра, — они бы с ним по-своему попрощались.

Я кивал, конечно, был согласен. А через несколько дней, наблюдая по телевизору, как спускают в Кремле флаг СССР, вспомнил слова дяди Васи, сказанные ветеранам войны за семь лет до этого, девятого мая восьмидесятого года: “Тут тоже врагов хватало. И они бы в спину вас!.. И ещё увидите, как они поднимутся, недобитые. Они ещё такое устроят!”

Немного позже нам объяснили, что Советский Союз был давно обречён, что социализм является нежизнеспособной формой, что почти все подвиги — миф, великие стройки — блеф... Но кто объяснил? Не те ли враги, с которыми боролся и из-за чего стал презираемым окружающими сумрачный дядя Вася?